

УДК 341

DOI: 10.34670/AR.2020.23.20.008

Соотношение крайней военной необходимости и защиты культурных ценностей в период вооруженного конфликта

Маскова Дисана Артуровна

Студент,

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: maskovadisana@mail.ru

Курданова Саида Солтановна

Студент,

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: saikrd@mail.ru

Аннотация

В настоящее время международное гуманитарное право располагает достаточно разветвленной системой норм, направленных на защиту культурных ценностей и мест отправления культа. Несмотря на это, правовое регулирование данного процесса содержит в себе ряд проблемных аспектов, которые служат неким «камнем преткновения». Это обуславливает необходимость дальнейшего исследования таких проблем. В данной статье предпринята попытка определения некоторых критериев отнесения культурных ценностей к категории объектов, подпадающих под защиту Гаагской конвенции 1954 г., а также норм о защите культурных ценностей других специальных актов. Уделяется внимание проблеме толкования термина «крайняя военная необходимость» применительно к защите культурных ценностей в период вооруженных конфликтов. Кроме того, производится попытка определения конкретных случаев, в которых допустима ссылка на данное положение.

Для цитирования в научных исследованиях

Маскова Д.А., Курданова С.С. Соотношение крайней военной необходимости и защиты культурных ценностей в период вооруженного конфликта // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 5А. С. 62-70. DOI: 10.34670/AR.2020.23.20.008

Ключевые слова

Международное гуманитарное право, международно-правовая защита, культурная ценность, вооруженный конфликт, военная необходимость.

Введение

Культура должна рассматриваться как наиболее важный фактор сохранения национальной идентичности в современный период, поскольку ее потеря равносильна гибели и полному разрушению национальной самобытности. Проблема сохранения культурного наследия играет огромную роль в системе международных отношений любого государства. Его сохранность имеет большое значение для духовного и нравственного воспитания граждан, так как знакомство с культурой не просто обогащает духовный мир человека, но и позволяет ему проникнуться подлинным уважением к своему государству.

Всегда и везде культурное достояние подвергалось преступным посягательствам, в том числе во время войн и вооруженных конфликтов. Наиболее разрушительные последствия повлекла за собой Вторая мировая война, после которой международное сообщество выработало и установило специальные правила юридической защиты культурных ценностей.

Основная часть

Уже с конца XIX в. международное право вооруженных конфликтов начало обогащаться конкретными нормами о защите культурных ценностей, среди которых здесь следует упомянуть ст. 27 и 56 Гаагского положения 1899 г. и 1907 г., ст. 5 Гаагской конвенции IX 1907 г. и Пакт Рериха, принятый в 1935 г. в рамках Панамериканского союза. Однако важнейшим сводом норм в этой области является система Гаагской конвенции 1954 г. Данная система включает в себя Конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, Исполнительный регламент, являющийся составной частью данной Конвенции, Факультативный протокол, призванный в первую очередь предотвратить вывоз культурных ценностей с оккупированных территорий и обеспечить их возврат после окончания военных действий, и три резолюции, касающиеся вооруженных сил, которые участвуют в операциях, проводимых под эгидой ООН (Резолюция I), учреждения Высокими Договаривающимися Сторонами национальных консультативных комитетов (Резолюция II) и созыва Генеральным директором ЮНЕСКО конференции Высоких Договаривающихся Сторон (Резолюция III). К этим документам 26 марта 1999 г. добавился Второй протокол к Гаагской конвенции 1954 г. (ДП II).

Запрещение нападать на культурные ценности и места отправления культа носит обычный характер (Обычное МПП, норма 38) [Хенкертс, Досвальд Бек, 2006, 39]. Однако такой запрет распространяется не на все культурные ценности и места отправления культа, а только на те из них, которые представляют «художественный, исторический или археологический интерес» (ст. 1 Конвенции 1954 г.), или те, «которые составляют культурное или духовное наследие народов» (ст. 53 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям).

В вопросе определения круга культурных ценностей, попадающих под защиту от вооруженных нападений, на помощь приходит Парижская конвенция от 16 ноября 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия. Так, государства-участники могут предложить Комитету, состоящему из представителей 15 государств-участников, объекты, «представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки», для включения в список всемирного наследия, составляемого и обновляемого

Комитетом (ст. 1, п. 2 ст. 11 Конвенции 1972 г.). Комитет же самостоятельно принимает решение на основе ряда критериев о включении ценности в список (п. 5 ст. 11 Конвенции 1972 г.). Так, ценность должна «представлять собой шедевр человеческого творческого гения», быть выдающимся свидетельством культурной традиции или цивилизации либо быть «выдающимся примером» типа построек или технологии, иллюстрирующих тот или иной исторический период или тип традиционного человеческого института, представляющего культуру, выживание которой находится под угрозой. Таким образом, как отмечает почетный профессор открытого Брюссельского университета Эрик Давид, очевидно, что в свете подобных критериев любая ценность, включенная в данный список, по определению является культурной ценностью [Давид, 2011, 328]. При этом отметим, что культурные ценности и места отправления культа, которым не присущи качества, определенные Конвенцией 1954 г., продолжают быть гражданскими объектами и на них продолжают распространять свою защиту положения общего характера, относящиеся к таковым объектам.

Несмотря на достаточно глубокую проработанность Конвенции 1954 г., а также норм о защите культурных ценностей других специальных актов, актуальными остаются ряд проблем. Так, запрет нападения на культурные ценности и места отправления культа, сформулированный Дополнительным протоколом I к Женевским конвенциям, более категоричен, чем тот, который содержится в Конвенции 1954 г. Согласно последней, настоятельная (крайняя, неизбежная) военная необходимость может считаться основанием для несоблюдения этого запрета (п. 2 ст. 4, п. 2 ст. 11 Конвенции 1954 г.), что дает сторонам возможность отклоняться от закрепленного режима защиты, ссылаясь на такую необходимость. Например, одна из камер Международного военного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) в деле Стругара о бомбардировке старинного города Дубровника, заключая, что в данном городе отсутствовали хорватские военные объекты, наличие которых могло бы оправдать такие действия, уточнила, что «защита, предоставляемая культурным ценностям, утрачивается, когда эти ценности используются в военных целях». Отсюда можно сделать вывод о том, что именно характер и цель использования культурной ценности, а не ее расположение в большей степени влияют на потерю ею защиты. Вынесенный Павле Стругару приговор подтвердил, что особые положения о защите культурных ценностей остаются в силе, даже если в непосредственной близости к ним проводятся военные действия или находятся военные объекты. В качестве еще одного примера приведем дело Милана Мартича, по которому другая Камера МТБЮ заключила, что хорватские вооруженные силы установили пулемет в церкви и превратили ее в наблюдательный пункт и склад боеприпасов. Исходя из этих соображений обстрел церкви не подвергся квалификации в качестве нарушения норм, запрещающих нападение на культурные ценности.

При этом, если сравнивать режимы защиты, введенные Дополнительным протоколом I 1977 г. для гражданских объектов и для культурных ценностей и мест отправления культа, можно отметить, что гражданские объекты могут, в зависимости от своего использования, быть военными объектами, чего нельзя констатировать в случае с культурными ценностями и местами отправления культа. Они по определению таковыми становиться не могут, даже если используются в военных целях.

Понятие «крайней военной необходимости», включенное в Конвенцию 1954 г. под давлением США и Великобритании, которые поставили свое участие в Конвенции в зависимость от наличия в ней данного положения, на наш взгляд, является если не самым, то

одним из самых «проблемных» аспектов данного международно-правового акта. Эта норма неоднократно подвергалась критике ввиду того, что присутствие такого положения представляет собой отступление, которое сведет на нет всю конвенцию в случае войны [Stavraki, 1996, 63-64].

Сохранение данной нормы стало предметом широкой дискуссии, не прекращавшейся в течение всего процесса пересмотра Конвенции, который проходил с 1991 г. и результатом которого стала разработка Дополнительного протокола II к Конвенции 1954 г. Одним из ключевых достоинств данного протокола является установление четких условий, при которых допустима ссылка на военную необходимость. Он вводит «двойной критерий», который необходимо соблюдать в случае военного нападения на объекты, представляющие культурную ценность, руководствуясь крайней военной необходимостью. Так, он значительно повышает степень правовой защищенности культурных ценностей, вводя некоторые положения, которых не было в Конвенции: там, где Конвенция допускала нападение на культурную ценность, если того требовала крайняя военная необходимость (ст. 4 Конвенции 1954 г.), протокол допускает такое нападение только при соблюдении двух следующих условий: необходимо, чтобы культурная ценность по своему назначению была превращена в военный объект; необходимо отсутствие практически возможной альтернативы для получения равноценного военного преимущества, помимо той, которую возможно получить в результате совершения враждебного акта против этого объекта (ст. 6а ДП II). Приведенные критерии вместе с тем в определенной степени дополняют старую норму. Вполне реальной представляется ситуация, при которой нападение на культурную ценность обосновывалось бы «крайней военной необходимостью», в то время как эта ценность не была превращена в военный объект и не существовало никакой другой возможности получить равноценное военное преимущество. Протокол в данном случае ограничивает воюющие стороны: теперь они не могут сослаться в оправдание нападения на крайнюю военную необходимость, поскольку такая ссылка должна подкрепляться также двойным критерием ст. 6а Дополнительного протокола II.

Таким образом, конкретизируется значение слова «крайняя». По мнению советника Юридического отдела Международного Комитета Красного Креста (МККК) и главы проекта МККК по обычному международному гуманитарному праву Жана-Мари Хенкертса, «это означает, что при наличии выбора между несколькими военными объектами, один из которых представляет собой культурную ценность, последний не должен превращаться в объект нападения» [Henckaerts, www].

В качестве дополнительной гарантии Второй протокол в п. «с» ст. 6 устанавливает, что решение о ссылке на крайнюю военную необходимость может быть принято только старшим офицером, командующим силами, равными по размеру батальону. Аналогичное положение можно проследить и в Конвенции 1954 г. применительно к культурным ценностям, помещенным под «специальную защиту». Так, культурные ценности могут помечаться отличительным логотипом в целях облегчения процесса их идентификации (ст. 6, 16 Конвенции 1954 г.), они также могут быть поставлены «под специальную защиту» (п. 1 ст. 8 Конвенции 1954 г.). Отличительным знаком культурных ценностей является щит, заостренный книзу, разделенный на четыре части, синего и белого цвета. Факт помещения культурной ценности под специальную защиту приводит к расширению ее иммунитета по сравнению с тем, которым пользуются другие культурные ценности [Давид, 2011, 330]. Последние могут быть

подвергнуты нападению «в случае, если военная необходимость настоятельно потребует такого решения» (п. 2 ст. 4 Конвенции 1954 г.). В то же время культурные ценности, находящиеся под «специальной защитой», тоже могут стать объектом нападения, но не при существовании настоящей военной необходимости, а только «в исключительных случаях неизбежной военной необходимости и лишь до тех пор, пока существует эта необходимость». В такой ситуации отказ обеспечить иммунитет культурной ценности должен исходить от военного начальника рангом не ниже командира соединения, соответствующего дивизии. Естественно, в случае военного использования ценности, находящейся под специальной защитой, или окружающей ее местности противная сторона освобождается от обязанности уважать ее иммунитет [Там же].

Однако на практике могут иметь место случаи, когда решение, принятое на низшем уровне командования, позже будет санкционировано высшим командованием. Исходя из этого, более рациональным представляется такой механизм, при котором констатация и принятие решения осуществлялись бы одним и тем же лицом, как это следует из буквального толкования положений Конвенции 1954 г., а санкционирование этого решения потом не допускалось. Кроме того, было бы более целесообразным, если бы решение о военной необходимости согласовывалось с высшей государственной властью, что могло бы снизить риск опрометчивых и необдуманных решений.

Протокол 1999 г., как и Конвенция 1954 г., предусматривает механизм «усиленной защиты» культурных ценностей, которые, помимо соответствия критериям, установленным для любой культурной ценности, должны иметь «огромное значение для человечества» (ст. 10а ДП II), охраняются посредством включения в национальное законодательство соответствующих мер, признающих их «исключительную культурную и историческую ценность» (ст. 10b ДП II) и включены в специальный список по соглашению с Комитетом по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (ст. 11 ДП II). Различие между правовой защитой, предоставляемой ст. 6 ДП II и усиленной защитой в соответствии со ст. 10-11 ДП II, заключается в том, что ценности, пользующиеся усиленной защитой, не могут быть использованы в военных целях или для прикрытия военных объектов при том, что сторона, которой они подконтрольны, подтвердила, что они не используются подобным образом (ст. 10с ДП II). При этом культурная ценность, не используемая в военных целях, пользуется не меньшей правовой защитой, чем та ценность, которой предоставлена «усиленная защита». Если она используется в военных целях, она теряет свой иммунитет так же, как и ценность, находящаяся под «усиленной защитой», которая используется в тех же целях (ст. 6f, 6i и п. 1b ст. 12 ДП II). Отметим, что превращение культурной ценности, которой предоставлена усиленная защита, в военный объект, равно как и ее использование в военных целях, является серьезным нарушением Дополнительного протокола II 1999 г., влекущим за собой уголовную ответственность лиц, его совершивших.

При этом представляется сомнительным какое-либо превосходство усиленной защиты культурной ценности над общеправовой с точки зрения эффективности. Это обусловливается тем, что потеря иммунитета культурной ценностью не ставится в зависимость лишь от решения Комитета по охране культурных ценностей. Она может явиться результатом и субъективной оценки участником военных действий культурной ценности как используемой в военных целях (п. 1 ст. 13 ДП II). При использовании обоих режимов защиты культурных ценностей

обязанность доказать, что соответствующая ценность используется в качестве военного объекта, возлагается на нападающую сторону. Если ранее для того, чтобы культурная ценность потеряла свой защитный статус, достаточно было лишь констатации факта ее использования в военных целях, то Дополнительный протокол II 1999 г. отдает предпочтение «превращению культурной ценности в военный объект», нежели военной необходимости. Возникает вопрос о взаимоотношениях понятий военной необходимости и превращения культурной ценности в военный объект.

По мнению немецкого ученого Р. Вольфрума, отличие военной необходимости от доктрины «превращения в военный объект» заключается в том, что военная необходимость не только позволяет атаковать, совершать иные враждебные действия, использовать объекты в военных целях, но и содержит возможность атаковать культурные ценности даже тогда, когда они не используются в военных целях [Wolfrum, 2002, 313-337]. Здесь целесообразным будет вопрос о том, что являет собой «военный объект» с юридической точки зрения. Согласно п. 2 ст. 52 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., объект считается военным, если природа, местонахождение и цели его использования способны внести эффективный вклад в поддержку военных усилий и полное или частичное уничтожение, захват или нейтрализация при существующих на данный момент обстоятельствах дают явное военное преимущество. Дополнительный протокол II 1999 г. вводит следующее понятие военного объекта: «военный объект» означает объект, который в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносит эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которого при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество (ст. 1f ДП II).

По мнению некоторых авторов, введение этого понятия несет в себе особенную значимость по следующим причинам: 1) позволило подтвердить, что культурные ценности прежде всего являются гражданскими объектами по смыслу ст. 52 Дополнительного протокола I 1977 г., т. е. объектами, в отношении которых действует презумпция использования в гражданских целях; 2) дало возможность включить в документ и другие нормы Дополнительного протокола I 1977 г., касающиеся ведения военных действий. Так, именно ст. 57-58 Дополнительного протокола I 1977 г. явились ориентиром для включения в Дополнительный протокол II 1999 г. двух новых категорий обязанностей: мер предосторожности в ходе нападения (ст. 7 ДП II) и мер предупреждения последствий военных действий (ст. 8 ДП II). Первые – активные меры, т. е. меры предосторожности, которые в ходе ведения военных действий должна принять нападающая сторона, а вторые – пассивные меры предосторожности, осуществлять которые надлежит обороняющейся стороне [Маинетти, 2003, www].

В ряде случаев может показаться, что культурная ценность одновременно выступает в качестве военного объекта в силу своего расположения. Например, если через мост осуществляется форсирование реки вооруженными силами одной из воюющих сторон. Однако мост в данной ситуации сам по себе не становится военным объектом, так как он им может стать только с того момента, когда первый солдат иступит на него, т. е. в ходе его использования для переброски военных.

Заключение

Использование военной необходимости не должно нарушать всех остальных гуманитарных принципов и является собой компромисс между гуманитарными и военными интересами. Само использование культурной ценности в качестве военного объекта не делает атаку и нападение обязательными, так как современная доктрина военного объекта требует, чтобы атака и нападение в обязательном порядке были сопряжены с получением военного преимущества. Более того, на момент принятия решения должна отсутствовать какая-либо другая альтернатива в достижении этой цели. Проблема защиты культурных ценностей, несомненно, требует дальнейшего комплексного исследования не только с точки зрения международного гуманитарного права, но и сквозь призму национальных законодательств отдельных государств.

Библиография

1. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. 1144 с.
2. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся жертв международных вооруженных конфликтов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901755843>
3. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900810>
4. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15464#05622672823355253>
5. Майнетти В. Новые перспективы для защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: вступление в силу Второго Протокола к Гаагской конвенции 1954 г. // Международный журнал Красного Креста. 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-perspektivy-dlya-zaschity-kulturnyh-tsennostey-v-sluchae-vooruzhennogo-konflikta-vstuplenie-v-silu-vtorogo-protokola-k-gaagskoy/viewer>
6. Хенкерте Ж.-М., Досвальд-Бек Л. (ред.) Обычное международное гуманитарное право. Нормы. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2006. 819 с.
7. Henckaerts J.-M. New rules for the protection of cultural property in armed conflict. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/article/other/57jq37.htm>
8. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Martić (IT-95-11). URL: <https://www.icty.org/en/case/martic>
9. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Strugar (IT-01-42). URL: <https://www.icty.org/case/strugar>
10. Stavraki E. La Convention pour la protection des biens culturels en cas de conflit armé: une convention du droit international humanitaire. Athènes, 1996. 306 p.
11. Wolfrum R. Protection of cultural property in armed conflict // Israel yearbook on human rights. BRILL, 2002. Vol. 32. P. 305-340.

The correlation between extreme military necessity and the protection of cultural property during armed conflict

Disana A. Maskova

Student,
Kabardino-Balkarian State University,
360004, 173 Chernyshevskogo st., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: maskovadisana@mail.ru

Saida S. Kurdanova

Student,
Kabardino-Balkarian State University,
360004, 173 Chernyshevskogo st., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: saikrd@mail.ru

Abstract

The article aims to identify the correlation between extreme military necessity and the protection of cultural property during armed conflict. It pays attention to the fact that international humanitarian law has a fairly extensive system of norms aimed at protecting cultural objects and places of worship. However, the legal regulation of this process contains a number of problematic aspects that serve as a "stumbling block". The authors of the article point out that this makes it necessary to further study such problems in order to find some solution. The article makes an attempt to define some criteria for classifying cultural property as a category of objects that fall under the protection of the 1954 Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict, as well as norms of other special acts on the protection of cultural property. The authors deal with the interpretation of the term "extreme military necessity" in relation to the protection of cultural property in the event of armed conflict, which is considered to be one of the most problematic aspects of modern international humanitarian law. In addition to this, they identify specific cases in which it is permissible to make reference to this provision.

For citation

Maskova D.A., Kurdanova S.S. (2020) Sootnoshenie krainei voennoi neobkhodimosti i zashchity kul'turnykh tsennostei v period vooruzhennogo konflikta [The correlation between extreme military necessity and the protection of cultural property during armed conflict]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (5A), pp. 62-70. DOI: 10.34670/AR.2020.23.20.008

Keywords

International humanitarian law, international legal protection, cultural property, armed conflict, military necessity.

References

1. David É. (1994) *Principes de droit des conflits armés*. Bruxelles. (Russ. ed.: David É. (2011) *Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov*. Moscow: International Committee of the Red Cross.)
2. *Dopolnitel'nyi protokol I k Zhenevskim konventsiiyam ot 12 avgusta 1949 goda, kasayushchiysya zhertv mezhdunarodnykh vooruzhennykh konfliktov* [Protocol Additional to the Geneva Conventions of August 12, 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol 1)]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901755843> [Accessed 22/04/20].
3. Henckaerts J.-M. *New rules for the protection of cultural property in armed conflict*. Available at: <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/article/other/57jq37.htm> [Accessed 22/04/20].
4. Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. (2005) *Customary international humanitarian law, Vol. 1: Rules*. Cambridge University Press. (Russ. ed.: Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. (eds.) (2006) *Obychnoe mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. Normy*. Moscow: International Committee of the Red Cross.)
5. *International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Martić (IT-95-11)*. Available at: <https://www.icty.org/en/case/martic> [Accessed 22/04/20].
6. *International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Strugar (IT-01-42)*. Available at: <https://www.icty.org/en/case/strugar> [Accessed 22/04/20].
7. *Konventsiiya o zashchite kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta* [Convention for the Protection of

- Cultural Property in the Event of Armed Conflict]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1900810> [Accessed 22/04/20].
8. *Konventsia ob okhrane vseirnogo kul'turnogo i prirodnogo naslediya* [Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15464#05622672823355253> [Accessed 22/04/20].
9. Mainetti V. (2004) New prospects for the protection of cultural property in the event of armed conflict: the entry into force of the Second Protocol to the 1954 Hague Convention. *International review of the Red Cross*, 854. Available at: <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/article/other/634hnr.htm> (Russ. ed.: Mainetti V. (2004) Novye perspektivy dlya zashchity kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta: vstuplenie v silu Vtorogo Protokola k Gaagskoi konventsii 1954 g. *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-perspektivy-dlya-zashchity-kulturnyh-tsennostey-v-sluchae-vooruzhennogo-konflikta-vstuplenie-v-silu-vtorogo-protokola-k-gaagskoy/viewer> [Accessed 22/04/20].)
10. Stavraki E. (1996) *La Convention pour la protection des biens culturels en cas de conflit armé: une convention du droit international humanitaire*. Athènes.
11. Wolfrum R. (2002) Protection of cultural property in armed conflict. In: *Israel yearbook on human rights*, Vol. 32. BRILL, pp. 305-340.